

СОЮЗ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: ИСТОРИЯ ДЛИННОЮ В СТОЛЕТИЯ

Когда речь заходит о Союзном государстве России и Беларуси, то историческую подоплеку этого интеграционного проекта обычно ищут в советском прошлом. Действительно, совместное пребывание обеих стран в Советском Союзе весьма серьезно сплотило наши народы. Однако история взаимоотношений, обоюдного стремления друг к другу России и Беларуси куда более древняя. И вот здесь начинается обычно туман и путаница. В ход идут общие рассуждения о восточнославянском братстве, единых культурных и цивилизационных корнях. Это все так. Но есть конкретные исторические факты, свидетельствующие о многовековой истории взаимного притяжения российских и белорусских земель, истории драматичной и весьма поучительной.

ЗАРОЖДЕНИЕ СОЮЗНОЙ ИДЕИ

Источник исторической близости России, Беларуси и Украины, тот культурный магнит, который лежит в основе отношений наших народов, очевиден – это Киевская Русь. В последнее время много сказано и написано о том, что якобы такого государства никогда не существовало. Да, само название было введено в обиход историками, но это вовсе не означает, что не было могучего Древнерусского государства. Земли современной Беларуси являлись его важной составляющей. Полоцк наряду с Киевом и Новгородом выступал как ключевой политический и культурный центр Древней Руси. В IX–XII веках активно развивался процесс возникновения единой древнерусской народности. Постепенно исчезали племенные названия: кривичи, дреговичи, радимичи. К началу XIII века в летописях выступает единый русский народ, та этно-историческая и культурная общность, из которой затем появятся русские, белорусы и украинцы. Нашествия монголов и крестоносцев, создание новых государств не смогли заглушить в народе, а также в среде политической элиты память об общем историческом прошлом времен Древней Руси.

В Великом княжестве Литовском русская ветвь аристократии (Рюриковичи) соединилась с обрусевшей литовской аристократией (Гедиминовичами). По мере того, как литовские князья нарушали основной принцип государственной жизни, скреплявший разрозненные земли в единое целое, – «старшины не рухати», то есть ограничивали автономию старых удельных княжеств, росло и недовольство политикой, проводившейся официально в Вильно. При этом естественным союзником русских православных феодалов ВКЛ выступала Москва, другой центр объединения восточнославянских земель, возникший на северо-востоке Руси. Главным принципом такого союза стало отделение русских (славянских) земель от Литвы и заключение тесного союза с Московским княжеством. При этом любопытно, что главными действующими лицами данного процесса выступали славянизированные и принявшие православие литовские князья, потомки Гедимины и Ольгерда.

Первая такая попытка была сделана после смерти великого князя литовского Ольгерда. В 1377 году его старший сын Андрей не признал власти своего сводного брата Ягайло и провозгласил себя великим князем полоцким. Однако боевые действия протекали неблагоприятно для полочан. И скоро Андрею Ольгердовичу пришлось бежать в Псков, а затем через Новгород в Москву. Именно тогда, в 1379 году, в Москве между Андреем Полоцким и великим князем московским Дмитрием Ивановичем был заключен первый в нашей истории союзный договор. Идея союза двух восточнославянских государств оказалась весьма популярной. Вскоре на сторону московского князя перешел и еще один Ольгердович – Дмитрий, князь брянский. Символом единства восточных славян стало участие дружин двух братьев Ольгердовичей в знаменитой Куликовской битве 8 сентября 1380 года. Русские полки на сражение благословил

Памятник князю
Андрею Ольгердовичу
в Полоцке

игумен Сергей Радонежский, не разбирая, из какого они княжества: великого, малого или удельного. Все вместе стояли за единую Русь. Вот как повествует об участии Ольгердовичей в Куликовском сражении замечательный памятник древнерусской литературы «Задонщина»: «О соловей, летняя птица, вот бы ты, соловей, славу спел великому князю Дмитрию Ивановичу, и брату его князю Владимиру Андреевичу, и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской — Андрею и Дмитрию, да и Дмитрию Волинскому! Ведь эти-то — сыны Литвы храбрые, кречеты в ратное время! Полководцы они славные, под звуки труб вспеленуты, под шлемами взлелеяны, с конца копья вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле».

После заключения великим князем литовским Ягайло Кревской унии с Польшей, которая серьезно ущемляла права русской знати ВКЛ, Андрей Полоцкий поднял в 1386 году восстание, к которому присоединился и смоленский князь Святослав Иванович. Однако и эта борьба не увенчалась успехом, во многом из-за несогласованности действий повстанцев. Смоленские войска были разбиты в Мстиславской битве литовскими дружинами. А сам Андрей Полоцкий был схвачен врагами и отправлен в заточение в Польшу. В конце жизни он окажется на свободе и погибнет в неудачной для ВКЛ битве на реке Ворскле в 1399 году, сражаясь на стороне великого князя литовского Витовта.

Тем не менее, идея союза Москвы и ВКЛ в конце XIV века буквально витала в воздухе. Ее вполне серьезно рассматривала и противостоявшая Андрею Полоцкому феодальная группировка. Ягайло, тот самый, который во время Куликовской битвы едва не оказался в рядах войска Мамаю, всего через четыре года мог стать зятем Дмитрия Донского. В 1384 году Юлиания Тверская, последняя жена Ольгерда, предложила великому князю московскому заключить брак своего сына Ягайло с его дочерью. Причем речь шла не о простом династическом бракосочетании. Предполагалось, что Ягайло, а за ним и вся литовская знать примут православие. Брак должен был означать и прочный союз двух великих княжеств — московского и литовского. Однако в том же году Ягайло примирился

с Орденом, пообещав в скором времени принять католицизм, рассчитывая подобным образом устранить повод для постоянных конфликтов между крестоносцами и языческой Литвой. О союзе с Москвой после этого не могло быть и речи. А после Кревской унии великий князь литовский заключил брак с польской королевой Ядвигой и короновался королевской короной в Кракове.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО РУССКОЕ

При великом князе Витовте вновь возникла возможность создания объединенного государства всех древнерусских земель. На этот раз под эгидой Вильно. В начале XV века Витовт был самым влиятельным владельцем в Восточной Европе. Его дочь Софья вышла замуж за великого князя московского Василия Дмитриевича. После смерти московского государя власть перешла к его сыну Василию II. Ввиду малолетства нового правителя его мать Софья Витовтовна играла первенствующую роль при московском дворе. Сам Витовт писал об этом в своих грамотах к немцам, заявляя, что Софья с сыном и со всем великим княжеством Московским отдалась ему в опеку и охранение. На его сторону стали переходить и другие русские феодалы, например, великий князь рязанский Иван Федорович, а также Иван Владимирович, князь пронский. Явно в сторону Вильно смотрели Тверь и Новгород. Однако объединению всех русских земель под рукой великого князя Витовта не суждено было осуществиться. Во-первых, этому мешало его католическое исповедание, отличное от православия русских земель. Во-вторых, Витовт, несмотря на все свое могущество, не был полностью самостоятельным государем, оставаясь лишь наместником и вассалом польского короля Ягайло. Как известно, корону «короля Литвы и Руси» Витовту получить так и не удалось. После его смерти великие князья литовские постепенно теряют инициативу в деле объединения Руси. Главным центром собирания древнерусских земель становится Москва.

Во время гражданской войны 1432–1439 годов в ВКЛ за освобождение русских земель от власти польских и литовских феодалов,

Русское войско встречает литовских союзников — князей Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Ольгердовича Брянского. Миниатюра из рукописного «Сказания о Мамаевом побоище», XVII век

в которой участвовали как русские, так и обрусевшие литовские князья, бояре и горожане, возникла идея Великого княжества Русского с центром в Полоцке. Но руководители освободительного движения в тот период не обращались за помощью к Москве, поскольку в этом государстве тогда разгоралась собственная затяжная феодальная междоусобица, длившаяся до 1453 года.

В середине XV века представители литовско-русской знати ВКЛ, выступавшие за освобождение своей страны от польского влияния, часто обращаются за поддержкой к Москве, выдвигая различные проекты создания союза двух государств. Признанным лидером оппозиции в ВКЛ был Семен Олелькович, князь киевский и случкий. Еще в 1451 году он вел переговоры в Москве, рассматривая ее как естественного союзника в борьбе с Краковом. В 1460 году князь Семен признал великого князя московского опекуном православных земель ВКЛ. А всего через год литовско-русские князья и бояре потребовали от короля Казимира, чтобы тот назначил Семена Олельковича своим наместником в ВКЛ. Однако и на этот раз план не удался. В условиях полного игнорирования королем Казимиром IV интересов православной знати ВКЛ ее представители перешли к вооруженной борьбе.

Постепенно зрел заговор православных князей против Казимира. Его возглавили Михаил Олелькович, Федор Иванович Бельский, Иван Юрьевич Гольшанский. Кроме убийства короля Казимира заговорщики планировали присоединить на правах автономии к Москве восточнославянские земли до реки Березина, а также Киевское княжество. Параллельно велись переговоры о браке племянницы Михаила Олельковича Елены, дочери Евдокии Олельковны и молдавского господаря Стефана III, с Иваном Молодым, сыном великого князя московского Ивана III. Таким образом, вырисовывался грандиозный союз православных земель: Москвы, Беларуси, Украины и Молдовы. Однако заговорщиков предали – очевидно, киевские бояре Ходкевичи. Михаила Олельковича и Ивана Гольшанского казнили, а князь Федор Бельский спасся бегством в Москву.

Политика отстранения от руководства страной православной знати не могла не при-

нести своих отрицательных результатов. На рубеже 1480–1490-х годов начинается массовый переход на службу к московскому государю восточнославянских князей ВКЛ. Это привело к затяжным войнам между Москвой и Вильно, во время которых несколько раз возрождалась идея союза двух государств как возможности прекратить кровопролитные раздоры.

ВОССТАНИЕ ГЛИНСКОГО

В августе 1506 года после смерти великого князя литовского и короля польского Александра государь московский Василий III Иванович послал в Вильно своего представителя Наумова. Формально московский чиновник должен был выразить соболезнования вдовствующей княгине Елене Ивановне, сестре московского великого князя. Однако посольство имело и тайную цель: способствовать заключению династического союза между Москвой, ВКЛ и Королевством Польским. Василий III предлагал свою кандидатуру в качестве государя объединенной державы. При этом молодой великий князь не собирался изменять православию, но готов был дать клятву покровительствовать католической части населения и не ущемлять ее в правах. Наумов предполагал встретиться с виленским епископом Войтехом, воеводой виленским и канцлером литовским Николаем Радзивиллом, а также другими влиятельными вельможами ВКЛ. Однако московская дипломатия опоздала. К этому времени на оба престола, краковский и виленский, уже имелся претендент – брат покойного короля Сигизмунд. Династический мир между двумя, или даже тремя, государствами так и не состоялся.

Но идея о союзе русских земель ВКЛ и Московского великого княжества не исчезла. Ее сторонником выступил человек сколь неоднозначный, столь и неординарный – Михаил Глинский. Согласно семейному преданию, род этот происходил от татарского темника Мамай, разбитого Дмитрием Донским на Куликовом поле. Сам Михаил Львович был настоящим человеком эпохи Возрождения. Учился в Германии, Италии, Испании, служил в войсках императора Священной Рим-

Герб Глинских

ской империи Максимилиана. С приходом к власти в ВКЛ Александра Ягеллона стал самым влиятельным человеком в государстве. Высшие посты в администрации занимали и его родные братья Василий и Иван, другие родственники. Михаил Глинский имел немалые заслуги перед Великим княжеством, главной из которых является, несомненно, блестящая победа над крымскими татарами под Клецком в 1506 году. Однако имел он и влиятельных политических противников, в основном из старой литовской знати: Радзивиллов, Кезгайлов, Заберезинских. После смерти великого князя литовского Александра враги не замедлили воспользоваться ситуацией и готовили отстранение Глинских от власти. Сторону противников Михаила Львовича принял и новый король Сигизмунд. Оскорбленный вельможа обратился к нему с такими словами: «Государь! Мы оба, ты и я, будем раскаиваться; но поздно».

После этого, собрав родственников, он уехал в Туров, центр своих владений. Великий князь московский Василий, находившийся в состоянии войны с ВКЛ, направил к Глинскому своего думного дьяка. Через него государь московский обещал роду Глинских и их сторонникам защиту, милость и жалованье. После некоторого раздумья, так и не дождавшись удовлетворения своих требований со стороны Сигизмунда, Глинские торжественно провозгласили себя слугами великого князя московского. Но Михаил Львович был не только хорошим военачальником и царедворцем, он обладал и недюжинным политическим чутьем. Выступив против своих политических противников, он выдвинул идеологическое обоснование: в очередной раз попытаться освободиться из-под власти польских панов и примкнувших к ним литовских феодалов. Это должно было привлечь на его сторону не только большинство русской знати ВКЛ, но и все православное население. При этом Глинские собирались восстановить великое княжество Киевское, куда должны были войти все православные земли ВКЛ. Историки утверждают, что еще в бытность свою в Европе Михаил Львович принял католичество. Однако он не мог не знать о недовольстве православной знати ВКЛ, ущемленной в своих правах со времен Кревской

унии 1385 года и Городельского привилея 1413 года. Новое государство должно было состоять в военном и политическом союзе с другой православной державой – Москвой. Глинский настаивал, чтобы великий князь Василий гарантировал сохранение за ним всех его городов и земель в Литве, а также те местности, которые перейдут под его власть в дальнейшем. При этом Глинский пытался держать себя на равных с московским государем. Он самостоятельно вел переговоры с крымским ханом и молдавским господарем. Первоначально идея восстановления великого княжества Киевского, независимого от Вильно, казалось, имела все шансы на успех. Повстанцы расправились с Яном Заберезинским, взяли Мозырь. К Глинскому стала стекаться шляхта. На соединение с ним шли и московские отряды. Они уже стояли на Березине, под Минском и Оршей.

Несмотря на притягательность идеи освобождения из-под власти литовских князей, шляхта, очевидно, недолюбливала семейство Глинских. Феодалы побаивались их неукротимого стремления к власти. Серьезным политическим поражением для Михаила Глинского был и отказ выйти за него замуж со стороны Анастасии, вдовы Семена Михайловича Олельковича, княжны Слуцкой, имевшей законные права и на княжение Киевское. Стал проявлять осторожность и великий князь Василий. По крайней мере, он не дал Михаилу Глинскому возможности в июле 1508 года вступить в решительное сражение с главными силами Сигизмунда, что могло бы решить исход восстания. Но Глинские не сдавались. Сам Михаил Львович вернулся в Мозырь и продолжал собирать сторонников. И хотя борьба еще не была окончена, а ее исход представлялся далеко не очевидным, 19 сентября 1508 года между ВКЛ и Москвой был подписан «вечный мир». По нему Василий Иванович признавал и Мозырь, и Туров собственностью Сигизмунда. А все семейство Глинских получило возможность переехать в Московское государство.

Михаила Львовича ждало еще немало приключений. Однако самый большой вклад в русскую историю было суждено внести женщине из рода Глинских. Елена Васильевна, племянница Михаила, вышла замуж за

Князь Василий III.
Фрагмент иконы
из Архангельского
собора Московского
кремля, XVII век

Елена Глинская.
Реконструкция
С. Никитина, 1999 год

великого князя Василия III и родила ему сына Ивана. Он известен всему миру как первый русский царь Иван Грозный.

ПОД ДЛАНЬЮ ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Как раз таки с именем Ивана Васильевича Грозного связана еще одна попытка в XVI веке соединить два государства – молодую Русскую державу и Великое княжество Литовское – прочным союзом. Несмотря на то, что с 1562 года они находились в состоянии войны, в Москве всерьез рассматривали возможность избрания своего государя на престол в соседней стране. В ВКЛ, да и в Польше ходили упорные слухи о вероятности такого политического шага, взвешивались все «за»

и «против». Русские посольства в Литву и Польшу в 1566 и 1569 годах получали указы разведать настроения общества насчет возможного избрания Ивана на престол в Кракове и Вильно. Наконец, в июне 1570 года посольство Яна из Кротошина определенно подтвердило, что польская и литовская рады обсуждали в присутствии короля Сигизмунда Августа проблему его бездетности. Представители знати «желают, чтоб им государя себе избрати от словенского роду по воле, а не в неволю, и прихилиютца тебе великому государю и твоему потомству».

Но литовские паны при этом требовали вернуть занятые русскими войсками приграничные территории, в том числе Полоцк. Иван, принявший к тому времени титул великого князя полоцкого, категорически был с этим не согласен. Он отвечал на предложения литовских панов: «А у нас Божиим милосердием и прародителей наших молитвами наше государство и без того полно, и нам вашего чего хотети? А коли ваше хотение к прихилности, и вам пригоже нас не раздражати, а делати так, на чем есмь велел».

Несмотря на столь суровый тон, идея заключения династического союза ВКЛ, Польши и Москвы оставалась актуальной. И вскоре, после смерти короля Сигизмунда Августа, царь Иван в сентябре 1572 года заявил литовскому послу Ф. Воропаю о своем желании избираться королем польским и великим князем литовским.

В начале 1573 года открылся элекционный сейм в Варшаве. На престол претендовало сразу несколько конкурентов: кроме Ивана Васильевича свою кандидатуру выдвинул Эрнест, сын императора Максимилиана, Генрих Анжуйский, брат французского короля Карла IX, а также Юхан III, король шведский, и его сын Сигизмунд. Кстати, многие сторонники избрания русского претендента, опасаясь крутого нрава царя, отдавали предпочтение скорее его сыну, сначала Ивану, а затем Федору. Вскоре, 28 февраля, в Новгороде царь сформулировал свои условия литовскому послу М. Гарабурде. Он отказывался делать какие-либо территориальные уступки, а наоборот, настаивал на присоединении к России Киева и Ливонии, требовал, чтобы престолы польский и литовский стали не выборными, а наследственными. При этом царь соглашался оставить в неприкосновенности шляхетские права и вольности, характерные для Литвы и Польши. Вскоре Грозный согласился вернуть Литве Полоцк и отдать также Курляндию. Он однозначно подтвердил, что сам готов править Польшей и Литвой, не перепоручая это своему сыну. Иван Грозный придумал и новый титул: «Божиею милостию государь царь и великий князь всея России, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский». Отдельно царь требовал уважения к православию, настаивал, чтобы его венчал на престол не католический архиепископ, а православный митрополит. Иван Васильевич предполагал управлять тремя государствами одновременно, переезжая из одной столицы в другую. Эти условия, очевидно, были неприемлемы и для ВКЛ, и для Польши. Понимал это и Грозный. Потому в конце своих условий он оговаривал возможность избрания на польско-литовский престол австрийского эрцгерцога, а сам был согласен заключить мир с новым государем на основе все тех же взаимных территориальных уступок. Как известно, сейм сначала выбрал французского принца Генриха Валуа, а после его бегства из Варшавы – трансильванского князя Стефана Батория, который одержал военную победу над войсками Ивана Грозного, что и привело в 1583 году к окончанию затяжной Ливонской войны.

Царь Иван IV.
Миниатюра
из «Царского
титулярника»,
XVII век

ПОЧТИ УСПЕШНАЯ ПОПЫТКА

Идея династической унии возродилась уже при новом русском царе Федоре, сыне Ивана Грозного. В 1586 году Стефан Баторий умер и на повестку дня вновь встал вопрос об избрании короля польского и великого князя литовского. Правительство Бориса Годунова, фактически управлявшего Русским государством при слабовольном Федоре Ивановиче, вернулось к проекту союза трех восточноевропейских государств.

В Москву прибыли послы Великого княжества Литовского Черниковский и князь Огинский для переговоров о продлении перемирия. Однако в процессе переговоров речь зашла об избрании русского царя на польско-литовский престол. Послы уговаривали Федора Ивановича прислать своих представителей на элекционный сейм. В качестве таковых в Варшаву отправились бояре Степан Васильевич Годунов и князь Федор Михайлович Троекуров, а также дьяк Василий Щелкалов. Послы везли с собой 48 личных писем царя к различным вельможам Речи Посполитой. В них подробно излагались условия возможного союза. Первым из них значилось: «Государю российскому быть королем польским и великим князем литовским, а народам обеих держав соединиться вечною, неразрывною приязнию». Кроме того, предполагался военный союз двух государств против Османской империи, к которому, по задумке Москвы, должны были присоединиться германский император, испанский король и персидский шах. Была разработана широкая программа по освобождению Молдавии, Валахии, Боснии, Сербии и Венгрии из-под турецкого ига, а также созданию в Крыму протектората, подчиненного новому объединенному государству. Царь обещал ни в чем не изменять прав и вольностей своих новых подданных. Россияне, литвины и поляки пользовались равными правами на территории трех государств. Более того, мелкопоместная польско-литовская шляхта должна была получить новые земли на Дону. Федор Иванович готов был погасить долги покойного Стефана Батория перед войском общей суммой 100 тысяч венгерских золотых монет. Предполагалось полностью уничтожить границу

между Россией и ВКЛ, а деньги, высвободившиеся от содержания находившихся там крепостей, направить на войну с турками. Московские дипломаты предлагали также совместные действия против шведов и датчан на Балтике. При этом Россия готова была уступить Польше и Литве всю территорию Эстонии, за исключением стратегически важной Нарвы. Значительные преимущества должны были получить и торговые люди из Польши и Литвы. Для них открывался огромный рынок всей России, а также свободный путь в Персию, Бухару и Китай. Любопытно, что в царских предложениях особо оговаривалась судьба тогда еще живого царевича Дмитрия: «Если паны упомянут о юном брате государевом, то изъяснить им, что он младенец, не может быть у них на престоле и должен воспитываться в своем отечестве». В отличие от своего отца Федор Иванович готов был отказаться от права наследования польско-литовского престола, согласиться на ограничение власти монарха, которое существовало в Речи Посполитой.

Дело по избранию русского царя королем и великим князем оказалось нелегким. Его кандидатуру поддерживали архиепископ гнезненский и литовские магнаты. Однако ключевую роль играли не они, а польские феодалы, которые вели между собой запутанную политическую борьбу. Группировка канцлера и коронного гетмана Яна Замойского поддерживала шведского принца Сигизмунда Вазу, а Зборовские – австрийского эрцгерцога Максимилиана. Тем не менее поначалу казалось, что московская партия одержит верх. Собравшаяся на сейм шляхта после долгих споров, переходивших в драки и перестрелку, решила выставить в чистом поле московскую шапку, немецкую шляпу и шведскую сельдь, чтобы видеть под каждым из этих трех символов количество избирателей. Под московским знаменем собралось большинство шляхтичей, даже часть австрийской и шведской партий, видя свою малочисленность, перешла на сторону Москвы. Многим казалось, что дело уже решено и союзу славянских держав быть.

4 августа состоялись переговоры российских послов с делегацией польских вельмож в селе Каменце под Варшавой. Поляки настаивали,

Царь Федор Иванович, портрет XVI века

чтобы Россия находилась перед их королевством в таком же подчиненном положении, как и ВКЛ, чтобы русский царь принял католичество, а титул короля польского стоял выше царя московского. Эти условия оказались неприемлемы для российской стороны. Любопытен ответ послов по последнему требованию, связанному с титулом царя: «Если бы и Рим Старый, и Рим Новый, или царствующий град Византия, приложились к нам: то и древнего, славного их имени государь не поставил бы в своем титуле выше России».

В результате переговоры превратились в перебранку. Представители ВКЛ стали требовать от России возвращения Смоленска и Северской земли. Не могли послы сейма прийти и к согласию между собой. Противники Федора доказывали: «Что будет, когда увидим здесь грозную опричнину, несметные тысячи надменных, суровых москвитян? Поверите ли, чтобы они в гордости своей захотели к нам присоединиться? Не скорее ли захотят приставить державу нашу к Московской, как рукав к кафтану?» Сторонники же избрания русского царя защищали его, отводя и упреки в слабоумии и излишней мягкости молодого государя: «Не видим ли в нем монарха человеколюбивого и мудрого? Мог ли он без ума править россиянами, непостоянными и лукавыми? К тому же скудоумие властителя менее губительно для государства, чем внутренние раздоры». Польские и литовские вельможи выдвинули новые требования к российской стороне: немедленно выделить 100 тысяч злотых на военные издержки, построить новые крепости на литовской юго-западной границе, заплатить жалование запорожским казакам, предоставить шляхте земли под Смоленском и в Северской земле. Российская сторона отвечала уклончиво. По крайней мере, русские дипломаты соглашались выплатить требуемую сумму денег. Возникла возможность компромисса и в вопросе перемены веры русского царя. Воевода виленский Христофор Радзивилл и воевода трокский Ян Глебович тайно сообщили русским послам, что вельможи ВКЛ согласны с тем, чтобы Федор остался в православии, если только он даст папе римскому надежду на соединение церквей.

И все же религиозный вопрос продолжал выступать главным камнем преткновения при обсуждении создания союзного российско-польско-литовского государства. 13 августа 1587 года российским послам сообщили, что канцлер Ян Замойский и его сторонники выбрали в короли шведского принца, а воевода познанский Станислав Згурка и Зборовские – Максимилиана. Литовские магнаты и шляхта по-прежнему склонялись к союзу с Москвой. Они считали выбор, сделанный поляками, незаконным, поскольку он не учитывал интересы ВКЛ. Литовские посланцы обещали россиянам, что пойдут к Кракову и не позволят короноваться ни шведу, ни австрийцу. В конце концов Ян Замойский, затратив немалые суммы на подкуп делегатов сейма, сумел добыть престол для шведского принца Сигизмунда Вазы, сделав его королем и великим князем. Но и в Москве еще не теряли надежды на союз, по крайней мере, с ВКЛ. Царь Федор Иванович обращался с особыми письмами к литовским вельможам, предлагая им отделиться от королевства Польского и соглашаясь принять титул великого князя литовского, киевского, волынского, мазовского. Борис Годунов также включился в дипломатическую переписку, обещая литовским магнатам богатые подарки за поддержку кандидатуры российского государя на престол ВКЛ. Но было уже поздно. 16 декабря 1587 года шведский принц, происходивший по матери от Ягеллонов, взошел на престол Речи Посполитой, став королем Сигизмундом III. Его противник австрийский эрцгерцог Максимилиан был вскоре разбит в битве при Бычине и взят в плен. Он был вынужден отказаться от прав на престол Речи Посполитой. Неудачная попытка Федора Ивановича избраться королем польским и великим князем литовским стала последней в череде проектов создания объединенного государства на равноправной основе. Правда, будет еще авантюра королевича Владислава Вазы, сына Сигизмунда III, стать московским царем. Но она ставила своей целью, скорее, завоевание и подчинение России в период смутного времени, чем создание полноценного союзного государства. Именно так и воспринимался поход польского принца русским обществом,

Сигизмунд III Ваза.
Гравюрный портрет
из первого издания
Статута Великого
княжества Литовского
1588 года

пережившим тогда огромный патриотический подъем и освободившим свою столицу от польско-литовских войск.

Постепенная утрата государственности ВКЛ в рамках Речи Посполитой, преследования православного населения, стремительная полонизация шляхты, искоренение белорусской и украинской культуры привели к изменению позиции российских властей в вопросе заключения двух- или трехсторонней государственной унии. Сначала в Москве, а затем в Санкт-Петербурге популярной стала идея о мессианской роли России как освободительницы Западной Руси из-под польского гнета. Как раз с этой точки зрения рассматривали свои вооруженные конфликты с Речью Посполитой и Алексей Михайлович, и Екатерина II. В этих условиях о равноправном союзе речи быть не могло. Российские государи, видевшие себя прямыми наследниками великих князей киевских, присоединяли восточнославянские земли Речи Посполитой к своей державе как обычные российские провинции, лишь с небольшими оговорками, учитывавшими местную специфику. Только в самом конце существования Речи Посполитой, накануне восстания Т. Костюшко, великий гетман литовский Ш.М. Косаковский рассматривал возможность расторжения унии ВКЛ с Польшей и заключения нового союза с Россией. Однако этому проекту не суждено было осуществиться.

Почему не состоялся союз двух народов в те далекие времена? Причин было множество. Некоторые из них актуальны и по сей день. Конечно, серьезно мешала западная дипломатия. Наиболее существенные препятствия на пути к заключению союза создавали поляки. В Европе подобная позиция Кракова, а затем Варшавы ни для кого не была секретом. О происках польской дипломатии открыто говорил московскому великому князю в 1488 году посланник германского императора Поппель: «Ляхи очень боятся, чтоб ты не стал королем на Руси; они думают, что тогда вся Русская земля, которая теперь находится под польским королем, от него отступит». Но списывать неудачу создания объединенного государства только на западную дипломатию было бы неверно. Серьезным препят-

ствием была неготовность сторон к равноправному диалогу. Постоянные споры о титулах, первенстве элиты, политические интриги усложняли переговоры. В XVI веке на пути создания общего государства стал религиозный вопрос. Правящие круги ВКЛ стремительно окатоличивались под влиянием Польши, Московское государство оставалось верным православью. Проблема вероисповедания государя объединенной державы при Иване Грозном и Федоре Ивановиче была едва ли не ключевой. Шляхта опасалась и за свои привилегии. В Речи Посполитой царил полуанархический государственный строй, который можно назвать демократией только при наличии большого чувства юмора. В Москве формировалось централизованное государство с концентрацией власти в руках государя. При этом важна была личность самого монарха. Тень грозного царя Ивана надолго отпугнула привыкших к своеволию и безнаказанности польских и литовских магнатов и шляхтичей. Тем не менее, несмотря на неудачу попыток создания единого государства в тот период, этот исторический опыт крайне важен. Существование в прошлом союзного проекта Московского государства и ВКЛ позволяет сделать вывод об устойчивом притяжении между обществами двух стран. Почему-то сложился стереотип о том, что в XIV–XVI веках эти государства только воевали друг с другом. Да, войн в борьбе за объединение Руси хватало. И воевали не только Литва и Москва, но и Новгород, Тверь, Псков, Рязань. Однако нужно видеть и тенденцию к постоянному поиску компромиссов в московско-литовских отношениях. Базой для такого компромисса традиционно рассматривалась династическая уния и возможное создание союзного государства. Причем эта идея непременно находила своих сторонников не только среди московских дипломатов, но и среди влиятельных кругов ВКЛ. Постоянное стремление двух народов к единству, в различных формах, подчеркивает наличие культурных, политических, цивилизационных предпосылок к интеграции России и Беларуси.

Вадим ГИГИН,
кандидат исторических наук ■

Шляхтич.
Гравюра XVII века